

Ариадна — дочь поэта. Дело ее жизни...

После отъезда из Советской России в мае 1922 г. Цветаева практически исчезла с российского поэтического горизонта. Правда, в 1923–1927 гг. в Москве и Ленинграде еще появлялись публикации ее произведений в антологиях и поэтических сборниках*. Но это были лишь единичные случаи. В эмиграции Цветаеву знала в основном интеллектуальная элита, широкого читателя у нее не было, хотя она выпустила несколько поэтических сборников, печатала в эмигрантских журналах свою прозу. Тем не менее она так и не вписалась в контекст зарубежной литературной жизни. Сведения же о ней на родину практически не доходили.

Цветаева, вернувшись после семнадцати лет эмиграции в СССР, страну для нее практически «новую» (да и ее давно забывшую), мечтала снова заявить о себе как о поэте. С помощью друзей она получила предложение от Гослитиздата составить небольшой (всего 3000 строк) сборник, который впоследствии получил название «Сборник 40-го года». Цветаева его подготовила и передала в издательство 1 ноября 1940 г. Книга была включена в план выпуска 1941 г. Но, согласно действующим в стране правилам, издание должно было предварительно пройти рецензирование. Одним из рецензентов оказался влиятельный в то время критик (в прошлом теоретик конструктивизма) Корнелий Люцианович Зелинский. Через три недели появилась шестистраничная рецензия — злая, жестокая, несправедливая, написанная с позиций господствующей идеологии. Рецензент обвинил Цветаеву в формализме и «политической нейтральности» (читай — политической неблагонадежности), назвал ее поэзию стихами «с того света», которые дают «диаметрально

---

* Например, в 1923 г. в московском сборнике «Зарницы. Чтец-декламатор для детей» (составитель Н.С. Ашукин) были напечатаны два стихотворения, в 1925 г. — в сборнике «Русская поэзия XX века. Антология русской лирики от символизма до наших дней» (составители И.С. Ежов и Е.И. Шамурин) — девять стихотворений и в антологии «Образ Ахматовой» под ред. Э. Голленбаха — четыре стихотворения, в «Книге для чтения по истории новейшей русской литературы», составленной В. Львовым-Рогачевским, — одно стихотворение), в 1927 г. — в сборнике Леонида Гроссмана «От Некрасова до Есенина. Русская поэзия 1840–1925» — одно стихотворение.

противоположное, даже враждебное представлениям о мире, в кругу которых живет советский человек. Книга Марины Цветаевой — душная, больная, печальная книга», — подвел итог рецензент. Так что надежды на издание сборника практически не осталось*. Потом началась война, и рукопись затерялась где-то в суете дней. Папка со стихами была найдена случайно много лет спустя среди рукописей в Красноуфимске, куда эвакуировалось издательство. Примечательно, что, узнав о содержании рецензии Зеленского, Цветаева на экземпляре книги со своей правкой написала: «P.S. Человек, смогший аттестовать такие стихи, как формализм — просто бессовестный. Я это говорю — из будущего. М.Ц.». Она верила — будущее у нее и ее поэзии на родине есть...

Но прошло еще много лет, прежде чем Цветаева стала известна советским читателям.

Дочь поэта, Ариадна Сергеевна Эфрон, была потрясена трагической гибелью матери (узнала об этом лишь 13 июля 1942 г., так как близкие скрывали от нее сведения о смерти Цветаевой). Она корила себя: «Если бы я была с мамой, она бы не умерла. Как всю нашу жизнь, я бы несла часть ее креста, и он не раздавил бы ее...»**. Еще находясь в заключении, дочь поклялась перед близкими и своей совестью: «Мне важно сейчас продолжить ее дело, собрать ее рукописи, письма, вещи, вспомнить и записать всё о ней, что помню, — а помню бесконечно много. Скоро скоро займет она в советской, русской литературе свое большое место, и я должна помочь ей в этом»***. Дочь, как никто, понимала, что мать — большой поэт, она неоднократно повторяла в письмах мысль о том, что Цветаева должна занять свое достойное место в русской литературе, что это должно быть общепризнанным, а «мы должны приготовить для этого всё, что в наших силах. Так будем жить... во имя этого», — писала она тетке Анастасии Ивановне в 1954 г. еще из Туруханска****.

---

* Сборник был напечатан лишь в 1991 г. См.: *Цветаева М.* Где отступает любовь... Сборник 40-го года. Последние стихи и письма. Воспоминания современников / Сост., вступ. статья и коммент. Н.В. Ларцевой. — Петрозаводск: Карелия.

** *Эфрон А.С.* История жизни, история души: В 3 т. / Сост., подгот. текста, подгот. ил., примеч. Р.Б. Вальбе. — М.: Возвращение, 2008. Т. 1. С. 55.

*** Там же. С. 56.

**** Там же. С. 339.

«Во имя этого» А.С. Эфрон и стала жить — возвращение Цветаевой из небытия было теперь главной задачей, стало делом жизни дочери: «...всё, что касается ее литературного наследия, я сделаю. И смогу сделать только я». Вернувшись из ссылки (реабилитирована в 1955 г.), она начала вести работу, а точнее борьбу, по возвращению памяти матери на родину. Ее стремления поддержали те, кто ценил Цветаеву, — Э.Г. Казакевич, А.К. Тарасенков, И.Г. Эренбург. Ариадна подготовила первую посмертную книгу стихов Цветаевой «Избранные произведения», ей помогали Казакевич и Тарасенков. Они же сумели договориться с директором Гослитиздата Анатолием Константиновичем Котовым о том, что сборник примут к изданию и в 1957 г. он будет включен в план выпуска. В ноябре 1955 г. рукопись была сдана в издательство: Ариадна Сергеевна выполнила составление, подготовила тексты и примечания (объем книги 14 авторских листов). Книга с самого начала продвигалась с большим трудом. В декабре из-за смерти Котова пришлось перезаключить договор с новым директором — А.И. Пузиковым (которого вскоре заменил Г.И. Владыкин). Объем книги сократили до 8 листов, а затем до 8000 строк. Несмотря на все трудности, книга, возможно бы, и увидела свет (уже началась работа с редактором издательства Марией Яковлевной Сергиевской), как и было запланировано, но случилось непредвиденное. В мае 1956 г. Гослитиздат пригласил И.Г. Эренбурга написать предисловие. Вступительная статья «Поэзия Марины Цветаевой» была им подготовлена. В ней он рассказал о сложном и противоречивом жизненном пути поэта: «В 1922 году Марина Цветаева уехала за границу. Она жила в Берлине, в Праге, в Париже. В среде белой эмиграции она чувствовала себя одинокой и чужой. В 1939 году она вернулась в Москву. В 1941 году покончила жизнь самоубийством.

Два глубоких чувства она пронесла через всю свою сложную и трудную жизнь: любовь к России и завороченность искусством. Эти два чувства были в ней слиты. <...> Наконец-то выходит сборник стихов Марины Цветаевой. Муки поэта уходят вместе с ним. Поэзия остается»*.

---

* Марина Цветаева в критике современников: В 2 ч. Ч. 2. Обреченность на время / Сост. Л. А. Мнухина, подгот. текста и коммент. Л.А. Мнухина и Е.В. Толкачевой. — М.: Аграф, 2003. С. 98–108.

Статья была вполне корректной и лояльной, но сама биография эмигрантки в то время воспринималась неоднозначно. К тому же Эммануил Казакевич решил привлечь внимание к имени Цветаевой (как бы теперь сказали, «пропиарить» давно забытого поэта), поместив во втором номере литературно-художественного альманаха московских писателей «Литературная Москва», вышедшем в конце 1956 г., семь стихотворений Цветаевой, предварив их статьей Эренбурга.

И разразился грандиозный скандал, в результате которого «Литературная Москва» была закрыта, редакция альманаха подверглась разгромной критике — от статьи А. Дмитриева в газете «Правда» до издевательского фельетона И. Рябова в журнале «Крокодил» под названием «Про смертяшкиных», поносящего память Цветаевой. В этот хор вписались и литературные издания («Вопросы литературы», «Литературная газета»). Эренбурга обвиняли в том, что в статье отмечается, будто трагедия Цветаевой «никак не связана с ее глубоким отчуждением от революционных путей родной страны», а также в том, что автор статьи «уклоняется от исторического конкретного анализа и прямых идейных оценок» и пропагандирует произведения «декадентствующей поэтессы», от стихов которой «веет чужеродным, давно ушедшим в прошлое» и которые «не нашли отклика в сердце народа» и т.д. и т.п.

Эренбург защищался, писал в ЦК, доказывал, что Марина Цветаева — выдающаяся русская поэтесса, что ее нельзя отдавать врагам, ведь Цветаеву уже эмигранты печатают в Америке (Цветаева М. Проза / Предисл. Ф. Степуна. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953) и присваивают ее себе, а этого нельзя допустить, не надо отдавать свое национальное богатство, коей и является Цветаева. Однако его никто не услышал или не захотел услышать. (Надо сказать, что спровоцировало столь бурную реакцию не только имя Цветаевой, но и имя самого Эренбурга, который после публикации повести «Оттепель», напечатанной в майском номере журнала «Знамя» в 1954 г., был подвергнут жесткой критике.) В результате уже сверстанную книгу послали на дорецензирование трем рецензентам — Н.Л. Степанову, В.Ф. Огневу и В.О. Перцову. Первые два положительно отозвались о составе сборника и о статье Эренбурга. Перцов же полностью отверг статью и счел необходимым заказать новое предисловие, а также предъявил критические претензии

к составителю сборника. В итоге книга Цветаевой пролежала в Гослитиздате еще пять лет и так и не увидела свет*.

Надо отметить тем не менее, что первая посмертная публикация стихов Марины Цветаевой после многих лет забвения все же осуществилась в СССР в 1956 г., но не в книге, а в двух почти одновременно вышедших журналах, издаваемых, кстати, достаточно большими для поэзии тиражами — 70 000 и 30 000 экземпляров. О первом уже говорилось. Вторым был московский альманах «День поэзии 1956» (выпущен издательством «Московский рабочий»), в котором напечатаны одиннадцать цветаевских стихотворений. Подборку составил А.К. Тарасенков, он же написал небольшое предисловие о Цветаевой: «В ее огромном и многообразном литературном наследстве, насчитывающем сотни страниц стихов, поэм, драм, прозаических и литературно-критических творений, предстоит критически разобраться советским литературоведам, отобрать из него все то, что находится в родстве с идеями свободы, прогресса, человечности, все то, что было нового, передового в творчестве этой глубоко одаренной писательницы»**.

Стихи в этих двух изданиях стали первой после долгого молчания публикацией поэзии Цветаевой в официальной советской прессе. И оба вышли в Москве, которую семья Цветаевых, как справедливо замечала Марина Ивановна, щедро «одарила». Родной город Цветаевой начал отдавать свои долги...

После первой неудачи с книгой Цветаевой Ариадна Сергеевна не опустила рук. В начале января 1961 г. она обратилась с просьбой о «помощи книге моей матери» к известному литературоведу, исследователю творчества Александра Блока Владимиру Николаевичу Орлову, главному редактору серии «Библиотека поэта», лауреату Сталинской премии: «Книга уже пятый год путешествует из плана в план в Гослитиздатовских недрах — а в этом году, 1961, в августе, исполнится 20 лет со дня смерти матери — как важно, как нужно, чтобы

---

* Подробнее см.: *Мнухин Л.* Дело: «Марина Цветаева 1956 года (неизданная)» / Марина Цветаева в XXI веке. XIII и XIV Цветаевские чтения в Болшеве. Сб. докл. — М.: Возвращение; Музей М.И. Цветаевой в Болшеве, 2003. С. 255–263.

** Марина Цветаева в критике современников. Обреченность на время. С. 96–98.

книга вышла!» Она просит Орлова написать предисловие к первой книге Цветаевой, которая выйдет в СССР. «Я не стану Вам говорить о том, что Цветаева — большой поэт. <...> Что она не забытый (ибо ее не знают) — но еще не открытый у нас и нами — поэт»*.

Орлов откликнулся на просьбу дочери поэта и подал заявку в издательство, но уже на новую книгу (будучи редактором, он попросил коренным образом переработать содержание того сборника, который готовила Ариадна Сергеевна, обещал написать статью к книге и сделать комментарии). Этот первый посмертный сборник произведений Цветаевой «Избранное» (в сером тканевом переплете, объемом 304 страницы, тиражом 25 000 экземпляров) 14 июня 1961 г. был сдан в набор, 5 сентября этого же года подписан в печать и вскоре увидел свет. В него вошли 151 стихотворение, датированное 1913–1941 гг., и 2 поэмы, написанные в 1924 г., — «Поэма Горы» и «Поэма Конца». Именно с этого сборника принято вести отсчет возвращения на родину Марины Цветаевой: ее стихами и поэмами, ее именем и личностью...

Редактором книги напросилась стать Анна Александровна Саакянц, в 1955 г. пришедшая в Гослитиздат сразу же после окончания филологического факультета Московского университета. К ней и адресованы письма (331) Ариадны Сергеевны Эфрон, составляющие содержание настоящей книги. Они дают представление о годах напряженной работы над первым посмертным сборником «Избранное», а затем и над книгой «Избранные произведения», вышедшей в 1965 г. в Большой серии «Библиотека поэта».

Сохранилась записка Ариадны Сергеевны от 9 января 1961 г., присланная Анне Саакянц, с пометой последней: «Первое письмо от А<риадны> С<ергеевны> — ответ на мое, где я сообщаю, что являюсь одним из редакторов первого сборника Цветаевой (Гослитиздат)». А. Эфрон писала: «Милая Анна Александровна, рада была получить Вашу весточку, т.к. сама я долго еще раскачивалась бы. Рада, что Вы — “со”-редактор» (редактором книги был назначен старший опытный коллега, которому в помощь и был приписан молодой специалист). «Соредактор» сразу пришелся по душе дочери поэта: интеллигентная,

---

* Эфрон А.С. История жизни, история души. Т. 2. С. 87.

тонко чувствующая поэзию, талантливая девушка была именно тем человеком, который требовался для подготовки такой трудной книги в столь сложных обстоятельствах (даже несмотря на «оттепельное» время). Анна Александровна поняла, что было для Ариадны Сергеевны издание этой книги, как трепетно она относилась ко всему, что связано с матерью. «Я надеюсь и верю, что мы с Вами хорошо поработаем вместе над тем, что нам дорого обеим. Я недоверчиво отношусь, — как ни странно, — к тем, кто “любит Цветаеву”, — для меня это настолько ко многому обязывающее понятие! Но вот, мне думается, что Вы любите так, как надо — и ей, и мне. И у Вас есть абсолютный для нее слух, т.е. та сдержанность именно, без которой невозможна абсолютная к ней любовь», — это слова Ариадны Сергеевны из ее письма к А. Саакянц от 16 апреля 1961 г. В другом письме (от июня 1961 г.), вспоминая о матери, она признавалась: «Она бы очень любила Вас, больше того, именно в Вас она нуждалась. Откуда я знаю? Да дело в том, что (без всякой мистики, я к этому не склонна!) она мне многое в жизни говорит, может быть, больше, чем при жизни. Горько, что Вы с ней не встретились, хорошо, что встретились со мной. Я многое Вам расскажу и доверю».

Ариадна Сергеевна, человек не очень-то доверяющий окружающим (так научила ее жизнь), близко «допустила» к себе своего «соредактора», вскоре, однако, получившего новый статус — «соавтора». Они стали не просто коллегами по работе, а близкими людьми — и по духу, и по отношению к жизни. Правда, непременно соблюдалась субординация: «старшая» — «младшая» («младшая», впрочем, всегда имела собственное мнение). «Старшей», конечно, была Ариадна Сергеевна. Она иногда учила, направляла, заботилась, бывало, и журила. Но очень высоко оценивала творческий потенциал своего «соавтора», сумела рассмотреть талант Анны Александровны — и к писательству, и к аналитическим исследованиям, которые так необходимы литературоведам и историкам литературы. Она «назначила» Анну Саакянц своей заместительницей, наследницей по цветаевским делам: «Мне хочется (не то слово, ну ладно!) — Вам передать Цветаеву. Чтобы постепенно, со временем Вы стали первым — и на долгое время вперед единственным “специалистом” и знатоком. Чтобы к тому времени, что Цветаева действительно воскреснет для читателей — а Вы до него доживете, Вы о ней могли сказать с полнейшей достоверностью.

Поэтому только Вам я дам доступ к тому, чем располагаю, и открою Вам то, что надо, чтобы знать шире, больше, глубже... Я – человек куда более “разборчивый”, чем собственная мать (на людей), да, верно, и “разбираюсь” лучше. И думаю, что в Вас, своей наследнице, не ошиблась». Эти слова звучат как завещание А.С. Эфрон. Ее надежда на дальнейшую судьбу Анны Александровны Саакянц полностью оправдалась – она стала одним из первых авторитетных специалистов по творчеству Цветаевой. Вместе с А. Эфрон они подготовили не только первую книгу Цветаевой, но и первое издание М. Цветаевой в серии «Библиотека поэта» (здесь они уже сотрудничали и как составители, и авторы комментариев). Потом ими были подготовлены книги «Мой Пушкин» (1967), сборник переводов Цветаевой «Просто сердце» (1967) и сборник пьес «Театр» (1988), а также многие книжные и журнальные публикации поэзии и прозы Цветаевой. Уже после ухода А. Эфрон из жизни А. Саакянц продолжила исследовательскую работу. Ею была написана в 1986 г. первая вышедшая на родине поэта книга-биография «Марина Цветаева. Страницы жизни и творчества (1910–1922)» а затем в 1997 г. – книга «Марина Цветаева. Жизнь и творчество», дополненная новыми документами и материалами, полностью отражающими жизненный и творческий путь поэта. Вместе с Л. Мнухиным составлен внушительный по объему и содержанию фотоальбом «Марина Цветаева. Фотолетопись жизни поэта» (2000). Итогом работы Анны Александровны явилось Собрание сочинений Марины Цветаевой в семи томах (М., 1994–1995), подготовленное вместе с Л. Мнухиным. А.А. Саакянц – участник многих международных конференций и симпозиумов по творчеству Цветаевой. Об А.С. Эфрон она оставила воспоминания, вошедшие в кн. «Спасибо Вам! Воспоминания. Письма. Эссе» (М., 1998).

Хотя А.С. Эфрон не числилась ни среди составителей первой книги «Избранное», ни среди авторов комментариев (ее фамилия, как участника подготовки сборника, была всего лишь упомянута, и то после настоятельной просьбы Владимира Орлова, перед его комментариями), она приняла в ее подготовке самое деятельное участие. Ей хотелось, чтобы в книгу вошли только лучшие стихи Цветаевой. Ариадна Сергеевна прекрасно знала творчество матери, ведь она была для нее «первым поэтом» (и не только по счету, но и по значимости), обладала прекрасной памятью, разбиралась в тонкостях

ее поэтического языка, особенностях стиля, психологии мастерства. Недаром мать назвала Ариадну своим «абсолютным читателем»*. «...Я читаю ее à livre ouvert (с листа — *фр.*), все тексты и подтексты, целый ряд “подтекстов” могу расшифровать только я...», «...я единственный живой свидетель тому, как создавались эти рукописи, тому, что послужило причиной их создания...»** — писала А.С. Эфрон.

Переданный в издательство Орловым состав сборника Анна Саакянц переслала Ариадне Сергеевне, которая обсуждала включение каждого стихотворения с особым пристрастием. Это была не просто механическая составительская работа. Она тщательно отбирала материал, изучая записные книжки матери, прижизненные издания, отыскивала варианты, требовала точного изложения фактов, соблюдения особенностей пунктуации, подчеркиваний, ударений...

---

* 4 июля 1918 г. Цветаева подарила дочери книгу «Волшебный фонарь», надписав ее:

Были мы — помни об этом
В будущем — верно лихом!
Я — твоим первым поэтом,
Ты — моим лучшим стихом.

А на книге «Молодец» проставила посвящение Але: «Моему абсолютному читателю. Чехия, Вшеноры, 7 мая 1925 г.» — и под нею сделала приписку-подтверждение спустя десять лет: «1925 г. — 1935 г. МЦ» (подчеркнуто). Цит. по: Саакянц А. «Все понять и за всех пережить!» / Российский дом культуры. Дом Марины Цветаевой. — М.: Изд-во «Гендальф», 1993. С. 69.

Ариадна Сергеевна часто повторяла фразу о том, что только она (и именно она) может воссоздать истинный образ матери, поняв ее «до конца», подготовить издание ее произведений в полной достоверности. Это не было самоуверенностью, самолюбованием, нескромностью, высокомерием. Дочь во многом права, ведь вся ее жизнь (за исключением небольшого отрезка лет) проходила рядом с матерью, которая делилась с ней замыслами своих произведений, читала ей, первой, свои стихи, а нередко и посвящала в тайны личной жизни. Так что Аля имела на такое утверждение полное право. Конечно, здесь есть и отголоски «священной ревности» дочери, как называла такое отношение А.С. Эфрон к матери А.А. Саакянц, создания дочерью своего образа Цветаевой. Примем это как данность.

** История жизни, история души. С. 184.

«Перевес старых стихов над “новыми” в книге неизбежен, так как поздние стихи чрезвычайно сложны, а для первого сборника, должествующего, как надеюсь, открыть дорогу последующим изданиям, очень важно быть “проходным” и хотя бы относительно легко читающимся», — убеждала она своего «соредактора».

В конце 1961 г. наконец-то свершилось то, чего так долго ждали... — выход сборника дочь поэта назвала «маминым днем». Книгу «Избранное» приветствовал Илья Эренбург, который высоко оценил труд Орлова по подготовке сборника, обратив особое внимание на «умное и тактичное предисловие». Ариадна Сергеевна, несмотря на то что иногда поругивала Орлова (испытывала диктат «хозяина» издания), ревнуя его к цветаевским текстам, благодарила Владимира Николаевича за издание: «...Я, конечно, рада буду его повидать, он много сделал для маминой книжки и многое принял близко к сердцу...» (16 мая 1961 г.).

Огромную роль сыграла, конечно, и рецензия на первый сборник Цветаевой в «Новом мире» (1962, № 1) Александра Трифоновича Твардовского. Он, непререкаемый авторитет в мире литературном, да и в общественной жизни тоже (член Центральной ревизионной комиссии КПСС, кандидат в члены ЦК КПСС), написал блистательную рецензию на книгу, открыв тем самым, думается, путь в дальнейшем для издания ее произведений. Твардовский отмечал:

«Издание “Избранного” Марины Цветаевой является подарком читателю-любителю поэзии. — Не следует, конечно, рассчитывать на читателя вообще, массового читателя в отношении этой книги — своеобразной и сильной, но не вдруг доступной. Но М. Цветаевой принадлежит в развитии русского стиха такая несомненная и значительная роль, что так или иначе с ее творчеством должен быть знаком всякий интересующийся поэзией человек. В книге много боли сердца, горестных раздумий, мучительных усилий выразить мир, представляющийся автору часто темным и жестоким (здесь — отражение особенностей его трудной судьбы), но в ней же столько ясной и жаркой любви к жизни, к поэзии, к России, и к России советской; столько ненависти к буржуазному миру “богатых” и пафоса антифашистской направленности». Отметил он и особенности поэтики Цветаевой: «Со стороны собственно стиха, слова, звука, интонации — это вообще редкое и удивительное явление русской поэзии. Затрудненная, местами как бы пунктирная, где замечной слов являются необыкновенно выразительные тире, стихотворная

речь Цветаевой обладает чертами глубокой эмоциональной силы — она, как дыхание, прерывистое, неровное, но и живое, а не искусственное. Кстати, когда некоторые особенности стиха Цветаевой (рифмы, ритмы, звукопись) станут общим достоянием (Цветаева у нас не издавалась, кажется, с 1922 года), полезно будет уже и то, что откроется один из источников завлекающего простактов “новаторства” некоторых молодых поэтов наших дней. Окажется, что то, чем они щеголяют сегодня, уже давно есть, было на свете, и было в первый раз и много лучше. Статья В. Орлова хороша; в сущности, это почти первое наше слово о М. Цветаевой*. Позже, 19 февраля 1969 г., в дневниковых записях он также восторженно отзовется об эпистолярном наследии поэта: «Письма Цветаевой — чистое золото в поэтическом и этическом, в неразрывности этих смыслов. Я, что называется, “вскрикивал”, ...столько дорогого для меня (и как бы нового, но в чем-то смыкающегося с моими высшими “символами”) вплоть до откровений вроде гениального ответа на вопрос, почему мы рифмуем (“спросите народ, спросите ребенка”)».**

Первая книга Цветаевой мгновенно разошлась и вскоре стала библиографической редкостью. Так же быстро исчез с прилавков книжных магазинов и альманах «Тарусские страницы», который вышел в октябре 1961 г., почти одновременно с первой книгой Цветаевой, но не стал ей конкурентом, а лишь подогрел интерес к поэзии и поэту. В нем впервые была напечатана проза — очерк «Кирилловны» (название такое очерк «Хлыстовки» получил из-за цензурных соображений) — и опубликованы 42 стихотворения Цветаевой с предисловием Вячеслава Иванова. Этот «крамольный» альманах, в который по замыслу создателей должны были входить произведения, отвергнутые центральными журналами и издательствами, был выпущен Калужским книжным издательством тиражом 31 000 экземпляров (хотя предполагаемый тираж определялся в 75 000 экз.). Официальный составитель — писатель и драматург Николай Давидович Оттен (Поташинский). В подготовке книги самое деятельное участие приняли Константин Паустовский, поэт, журналист, редактор издательства Николай Васильевич Панченко, писатель Владимир Николаевич Кобликов и поэт, художник Аркадий Акимович Штейнберг. В альманахе публиковались поэты и писатели, имена

---

* Новый мир. 1962. № 1. С. 281.

** <https://lit.ukrtvory.ru/marina-cvetaeva-mandelshtam-i-tvardovskij/>